

ПУШКИН

ВРЕМЕННОК

АКАДЕМИЯ НАУК

СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ

ЖС. 9225.

12
7-91

Ш У ШШ К И Ш

ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

У ФИЛИАЛ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

Дом Плеханова
№ 182

82

ДИССЕРТАЦИЯ „ПУШКИН И РЕАКЦИОННЫЙ РОМАНТИЗМ“

3 ноября 1935 г. в Большом зале Института русской литературы Академии Наук СССР состоялась защита кандидатской диссертации аспирантом Б. С. Мейлахом на тему „Пушкин и реакционный романтизм“. Б. С. Мейлах с конца 1933 г. работал в Институте русской литературы под руководством Ю. Г. Оксмана.

Романтизм Пушкина — отметил Б. С. Мейлах в своей речи, — принадлежит к числу важнейших и наименее изученных проблем пушкиноведения. Сознывая, что вопрос о происхождении и сущности русского романтизма может быть решен в результате коллективных усилий работников марксистского литературоведения, диссертант счел необходимым изложить то понимание романтизма, которым он руководствовался в своей работе. Русский романтизм следует рассматривать как одну из идеологических систем, возникших в эпоху интенсивного развития борьбы капиталистических элементов с элементами феодальными. Ориентации прогрессивного романтизма на капитализировавшийся Запад, романтизм реакционный противопоставлял идеализацию старой феодальной России, а призыву к борьбе за реальную свободу — призыв к уходу в мир религиозной фантастики, идеализированного средневековья, мистического откровения. Каждому из этих направлений свойственны особые литературные принципы, особая поэтика. Романтизм прогрессивный, ведущий свои идейные традиции от Радищева и его учеников, нашел свое ярчайшее воплощение в деятельности литераторов, входивших в тайные общества декабристов или идейно близких к ним — А. Бестужева, В. Кюхельбекера, К. Рыльева, В. Раевского, А. Одоевского, А. Корниловича, П. Вяземского, А. Грибоедова, Н. Языкова и др. Романтизм реакционный был подготовлен широким потоком мистической литературы, идущим еще с конца XVIII в. и выразился наиболее полно в творчестве В. Жуковского и его эпигонов.

Каковы же были позиции Пушкина в борьбе прогрессивного и реакционного направлений романтизма? В результате анализа большого фактического материала (журналистики пушкинской эпохи, неопубликованных архивных документов, произведений писателей первой

трети XIX в., рукописей Пушкина), диссертант пришел к заключению, что Пушкин стоял в основном, на позициях прогрессивного романтизма.

Значение Пушкина в истории „декабристского“ периода русской революции не ограничивается его политическими стихами: новатор формы и содержания, отстаивавший право на свободу творчества от контроля и требований самодержавной монархии, передовой деятель в создании ясного и простого языка, развивший своим творчеством догматизм феодально-крепостнической идеологии, он был на литературном фронте фактическим участником одного из первых этапов освободительного движения в России. Это подтверждается и ролью, которую играло творчество Пушкина в борьбе прогрессивных романтиков и, в частности, в деятельности литературного объединения, идейно связанного сначала с „Союзом Благоденствия“, а затем с „Северным обществом“ — „Вольного Общества Соревнователей Просвещения и Благотворения“. Однако необходимо учитывать, что если в вопросах эстетических Пушкин в ряде моментов был впереди К. Рыльева, А. Бестужева, В. Кюхельбекера и др., борясь не только за романтическую, но и за реалистическую литературу, то в вопросах политических он был умереннее.

Отношение Пушкина к теории „чистого искусства“ — отмечает далее Б. С. Мейлах, — в советском литературоведении специально не рассматривалось. Авторы ряда современных работ о Пушкине безоговорочно присоединились к точке зрения Плеханова, изложенной им в известной статье „Литературные взгляды Белинского“ и „Искусство и общественная жизнь“. Между тем попутные высказывания Плеханова, да еще грешащие кантианскими ошибками, не могут служить ответом на требующий специального рассмотрения вопрос о сущности теории „чистого искусства“ в творчестве Пушкина. Неверным является уже исходное положение Плеханова о том, что в определенных исторические эпохи теория „чистого искусства“ может играть прогрессивную общественную роль. Из ряда изученных диссертантом материалов по истории

русской критики конца XVIII и начала XIX вв. следует, что и до 1825 г. и после поражения восстания декабристов апологеты теории „чистого искусства“ сознательно использовали ее как орудие борьбы с деятельностью прогрессивных писателей, считавших искусство одним из средств активного изменения социальных порядков. Более того — Карамзин и Жуковский успешно сочетали пропаганду принципов „чистого искусства“ с реакционной тенденциозностью. Несомненно реакционной была пропаганда „чистого искусства“ и на страницах „Московского Вестника“. Из всего этого следует, что и в пушкинскую эпоху теория „чистого искусства“ не могла быть прогрессивной. Если же Пушкин, как утверждают Плеханов и его сторонники, был апологетом этой теории, то он, следовательно, примыкал к эстетическим позициям реакционного романтизма.

Однако произведенный Б. С. Мейлахом историко-литературный и текстологический анализ произведений Пушкина, посвященных отношениям „поэта“ и „толпы“, показал, что они весьма далеки от реакционно-романтической теории „чистого искусства“. Характерно, что его стихотворения „Поэт“, „Чернь“, „Поэту“ и др., в продолжении почти столетия считавшиеся как бы манифестами „чистого искусства“, написаны именно в те годы, когда вопрос о прimate фантазии над действительностью был категорически решен Пушкиным отрицательно. Пушкин не противопоставлял искусство реальной действительности, как это делали реакционные романтики его времени. В стихотворениях „Чернь“ и „Поэту“ речь не о свободе поэта от изображения реальной действительности, а о свободе от социального заказа „холопа знатного в звезде“. Эти идеи использовались Пушкиным с целью проведения вполне осознанной реальной литературной политики. Так, напр., работая над поэмой на материале мещанской среды, Пушкин был намерен путем использования идей стих. „Чернь“ в особом лирическом отступлении мотивировать право на воспевание „низкого героя“ — безродного коллежского регистратора.

Никто из исследователей не обратил внимания на то, что интерпретация Пушкиным идеи независимости поэта от „толпы“ носит ярко выраженный рационалистический харак-

тер. Не столько немецкая философия реакционного романтизма, сколько философия французских просветителей наложила отпечаток на все произведения Пушкина о „поэте“ и „толпе“. Понимание им „высокой“ роли поэта, призванного быть впереди „на всех набегах просвещения“ и „глаголом жець сердца людей“, является прямым отражением учения французских просветителей о роли личности писателя в истории. Статья „Génie“, помещенная в Энциклопедии Дидро, и утверждающая, что гений — высший человеческий индивид, возвышающийся над всем миром, перекликается с рядом мыслей Пушкина. В параллель к стих. Пушкина „Пока не требует поэта“ можно привести, напр., „Second entretien sur le fils naturel“ Дидро, развивающее те же идеи о бегстве гениального человека в природу, где им овладевает пророческий „священный трепет“. Наконец, противопоставление поэта „непросвещенной толпе“, да и самая трактовка „толпы“ как сборища „плохих людей“, встречается в ряде произведений Дидро, Вольтера и в некоторых статьях „Энциклопедии“. Необходимо учитывать, что и творчество А. Шенье, некоторые мотивы которого весьма были близки Пушкину, тесно связано с философией просветительства.

Пушкин не избежал некоторого влияния реакционного романтизма в своем творчестве. Но литературоведы и критики, стремившиеся доказать, что Пушкин был приверженцем принципов „чистого искусства“, далекого от „земной суеты“, не случайно оперировали при этом главным образом его декларативными стихотворениями. Даже при самой тенденциозной интерпретации произведения Пушкина не дают возможности доказать наличие в его творчестве устойчивого и органичного комплекса реакционно-романтических идей. Изучение автографов некоторых стихотворений Пушкина, которые до сих пор рассматривались литературоведами как реакционно-романтические, показало, что в процессе творческой работы Пушкин стремился очистить произведения от элементов реакционного романтизма и строить образы по принципам реализма.

После речи Б. С. Мейлаха выступил в качестве оппонента проф. Н. К. Пиксанов. В числе достоинств работы оппонентом было

отмечено критическое отношение к материалу, самостоятельность и новизна выдвигаемых точек зрения. Особо отмечалась Н. К. Пиксановым проявленная в работе чуткость к художественной форме и способность сопоставления различных творческих принципов не только на основании изучения печатных текстов писателей, но и путем анализа автографов. Указывая на широкую ориентировку диссертанта в русской и западных литературах, оппонент подчеркнул важность почина в изучении влияния на Пушкина эстетики западных просветителей. Полемицируя с диссертантом по ряду частных моментов (интерпретация стих. Пушкина „Легенда“, характеристика романтизма Грибоедова и др.), Н. К. Пиксанов указывает на ряд недостатков работы: иногда слишком детальный текстологический анализ того или иного автографа, недостаточную четкость некоторых формулировок, неясность периодизации творческого пути Пушкина.

Второй оппонент, проф. Ю. Г. Оксман, заявляя о своем согласии с общими замечаниями Н. К. Пиксанова о ценности работы, более подробно, как научный руководитель диссертанта, останавливается на ее недостатках. Самой ценной в диссертации Ю. Г. Оксман считает II главу работы, посвященную анализу отношения Пушкина к литературной борьбе прогрессивно-романтического направления и, затем, III главу, трактующую вопрос о сущности теории „искусства для искусства“ в творчестве Пушкина. Свое понимание „реакционного романтизма“, как определенной поэтической школы, принципам которой противостояли Пушкин и писатели-декабристы, Б. С. Мейлах конструирует путем перенесения в область литературной борьбы 20-х годов известных формулировок Ленина о реакционном романтизме Сисмонди и народников („К характеристике экономического

романтизма“). Интересно дан анализ литературно-политической позиции Вольного Общества Любителей Российской Словесности, метко использованы суждения Пушкина о журнале этого Общества („Соревнователь просвещения и благотворения“) в „Езерском“ и в „Истории села Горюхина“. Верно и свежо пересмотрено диссертантом отношение Пушкина к творческим принципам Шишкова и Карамзина. Однако совершенно неприемлемым является утверждение о единстве творческих принципов Шишкова и Карамзина. Тонко учтены суждения декабристов по вопросам литературного языка, но было бы желательно дополнить эту главу анализом языковой политики Пестеля в пору писания „Русской Правды“ и учетом как материала последней, так и конкретных высказываний о русском литературном языке М. Ф. Орлова и Вл. Ф. Раевского, бесспорно повлиявших на Пестеля. В III главе интересна критика Б. С. Мейлахом точки зрения Плеханова на функцию теории „чистого искусства“ в пушкинскую эпоху. Здесь остроумно показано влияние Дидро на Пушкина — как непосредственное, так и через поэзию А. Шенье. Менее удачно введение к работе: рассматривая вопрос об истоках русского романтизма (непосредственно не связанный с темой), автор не учел всей сложности работы над соответственным материалом. IV глава слишком фрагментарна. В ней содержится ряд интересных наблюдений, однако вопрос о соотношении баллад Жуковского и Пушкина здесь не только не разрешен, но даже и предварительно не разработан.

После выступления акад. И. И. Мещанинова и заключительного слова диссертанта оглашается постановление квалификационной комиссии: „Квалификационная комиссия признала работу Б. С. Мейлаха безусловно хорошей и автора ее достойным присуждения степени кандидата литературоведческих наук“.

МАТЕРИАЛЫ О ПУШКИНЕ В НОВЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Пушкин в письмах П. В. Киреевского

В письмах П. В. Киреевского к Н. М. Языкову, хранящихся в Пушкинском Доме и опубликованных в 1935 г. М. К. Азадовским, встречается ряд замечаний о Пушкине, ценных и

интересных особенно как свидетельство того, насколько серьезно говорил Пушкин к изданию сборника русских песен. 12 октября 1832 г. Киреевский сообщал: „Пушкин... был недели две в Москве и третьего дня уехал; он учится по еврейски, с намерением переводить Иова,

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
НОВЫЕ ТЕКСТЫ ПУШКИНА	
Тънь Фон-Визина. Комментарий Л. Б. Модзалевского	3
Запись рассказов И. А. Крылова о Пугачевщине. Комментарий Ю. Г. Оксмана	26
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ	
С. М. Бонди. Неосуществленное послание Пушкина к „Зеленой Лампе“	33
А. Н. Шebuнин. Пушкин и „Общество Елизаветы“	53
А. А. Ахматова. „Адольф“ Бенжамена Констан в творчестве Пушкина	91
Б. В. Томашевский. „Маленькие трагедии“ Пушкина и Мольер	115
М. К. Азадовский. Источники сказок Пушкина	134
В. Ф. Переверзев. Пушкин в борьбе с русским плутовским романом	164
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Ю. Г. Оксман. К истории высылки Пушкина из Петербурга в 1820 г.	191
А. Н. Шebuнин. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых	196
Ю. Н. Тынянов. Заметки о лицейских стихах Пушкина. 1. „К другу стихотворцу“. 2. „Герой Севера“	201
Г. О. Винокур. Кто был цензором „Бориса Годунова“?	203
М. С. Альтман. Б. В. Томашевский. К истории текста эпиграммы „Там, где древний Кочерговский“	215
Л. Б. Модзалевский. Мнимые экспромпты Пушкина (К вопросу о стихах „День блаженства настоящий“, „Мы наслаждение удвоим“ и пр.)	219
М. И. Аронсон. К истории „Медного Всадника“	221
Из комментариев к переписке Пушкина.	
А. М. Де-Рибас. Письмо Пушкина к „неизвестной“ 1822 г.	227
И. А. Новиков. Вокруг письма Пушкина к Б. А. Адеркасу	231
Б. П. Городецкий. Письмо Пушкина к „неизвестному“	234
Б. В. Казанский. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина (Из собрания П. Е. Щеголева)	236

ТРИБУНА

В. В. Гиппиус. Проблема Пушкина (По поводу статьи Д. Мирского „Проблема Пушкина“)	253
Д. П. Мирский. Ответ моим критикам	262
Б. В. Казанский. Дневник Пушкина (По поводу интерпретации Д. П. Якубовича)	265
Д. П. Якубович. Еще о дневнике Пушкина (Ответ Б. В. Казанскому)	283

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Д. П. Якубович. Обзор статей и исследований о прозе Пушкина с 1917 по 1935 г.	295
Б. В. Томашевский. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в девяти томах. Том V. Евгений Онегин. Роман в стихах. Подготовка текста и комментарий Г. О. Винокура. Academia. 1935	318
М. К. Азадовский. А. Пушкин. Сказки. Редакция, вступительная статья и объяснения Александра Слонимского, 1933—1935	322
И. Р. Эйгес. Массовые издания сочинений Пушкина	329
Ю. Г. Оксман. И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Статья и редакция С. Я. Штрайха. М. 1934	333
Н. И. Мордовченко. Пушкин по документам архива М. П. Погодина. Публикация М. А. Цявловского. — Пушкин по документам архива С. А. Соболевского. Публикация М. Светловой. („Лит. Наследство“, № 16—18)	335
А. Г. Цейтлин. В. В. Виноградов. Язык Пушкина. 1935	339
Б. С. Мейлах. В. Виноградов. О стиле Пушкина („Лит. Наследство“, № 16—18)	342
Г. О. Винокур. Н. Свириг. Пушкин и Восток („Звезда“, 1935, № 4)	346
С. Я. Гессен. Абрам Эфрос. Декабристы в рисунках Пушкина („Лит. Наследство“, № 16—18)	348
Б. В. Казанский. Леонид Гроссман. Карьера д'Антеса. М. 1935.	351
М. И. Аронсон. Russische Dichter, übertragen von D. Hiller von Gaertringen. Leipzig. 1934	354

ХРОНИКА

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР об учреждении Всесоюзного Пушкинского Комитета в связи со столетием со дня смерти А. С. Пушкина	361
Пушкинская Комиссия Академии Наук СССР	362
Издания Пушкинской Комиссии (Фототипическое издание рукописей Пушкина. — Научное описание рукописей Пушкина. — Пушкиниана)	366
Из материалов редакции академического издания Пушкина. Д. Д. Благой. Отчет о работе редактора XIV тома	368
Диссертация „Пушкин и реакционный романтизм“	377
Материалы о Пушкине в новых литературоведческих публикациях (Пушкин в письмах П. В. Киреевского. — Пушкин в переписке Н. М. Языкова с В. Д. Комовским. — Новое издание статей Писарева о Пушкине. — Комментарии А. Блока к стихотворениям Пушкина — Андре Жид о Пушкине)	380

Новые издания сочинений Пушкина (Полное собрание сочинений Пушкина в издании „Academia“. — Новое издание шеститомника Пушкина. — Пушкин на языках народов Закавказья. — Пушкин в Чехословакии. — Новейшие польские переводы Пушкина)	386
Пушкин в изобразительном искусстве. — И. Е. Репин в работе над Пушкиным	389
Пушкинские места. Пушкинский Заповедник Академии Наук СССР	390
Пушкиниана 1935 г.	393
Юрий Тынянов. Письмо в редакцию	406
—	
Указатель произведений Пушкина, упоминаемых в настоящем издании	407
Указатель личных имен	410

Технический редактор Л. А. Федоров

Ученый корректор Д. С. Лихачев

Тит. л. + 421 стр. + 7 вкл. таблиц. — Формат бум. 72×110 см. —
 Объем 28 л. — 53 220 зн. в л. — 35.43 уч. авт. л. — Тираж 15000. —
 Ленгорлит № 7720. — АНИ № 1075. — Заказ № 2805. — Типо-
 графия Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.